

В. В. НИКУЛИН

ОТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ
К РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ЗАКОННОСТИ

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА
ЭВОЛЮЦИИ СОВЕТСКОГО ПРАВА
в 1920-е годы

Монография

ЮСТИЦ ИНФОРМ

Виктор Никулин

**От революционной
целесообразности к
революционной законности.
Сущность и специфика эволюции
советского права в 1920-е годы**

«Юстицинформ»

2021

УДК 340.158
ББК 67.3

Никулин В. В.

От революционной целесообразности к революционной законности. Сущность и специфика эволюции советского права в 1920-е годы / В. В. Никулин — «Юстицинформ», 2021

ISBN 978-5-7205-1769-4

В монографии рассматривается сущность и специфика эволюции советского права в 1920-е годы. Анализируется процесс смены чрезвычайного правового порядка, характерного для периода гражданской войны, на правовой порядок мирного времени. Исследуются основные тенденции развития советского права в данный период. Выявляются изменения, происходившие в законотворчестве, судеустройстве, судебной практике. Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов юридических учебных заведений и для всех тех, кто интересуется историей государства и права России. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 340.158

ББК 67.3

ISBN 978-5-7205-1769-4

© Никулин В. В., 2021
© Юстицинформ, 2021

Содержание

Введение	6
Глава 1	9
Переход к мирной фазе. Проблемы и задачи	9
Концепция «революционной законности». Противоречия и трудности формирования	13
Глава 2	17
Уголовный кодекс	18
Гражданский кодекс	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Виктор Никулин
**От революционной целесообразности к
революционной законности. Сущность
и специфика эволюции советского
права в 1920-е годы: монография**

Рецензенты:

Баев В.Г. – профессор кафедры «Теория и история государства и права» Тамбовского государственного технического университета, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор юридических наук, профессор

Безгин В.Б. – профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета, доктор исторических наук, профессор

© ООО «Юстицинформ», 2021

Введение

Революционные преобразования, начавшиеся в России в октябре 1917 года, положили начало формированию советской государственно-правовой системы, заложили ее теоретические и институциональные основы; начали складываться родовые признаки системы, однако они не приобрели еще законченный вид, институциональная структура правового обеспечения управления обществом была нестабильна и подвержена частым изменениям. В целом система еще не обладала фундаментальностью и устойчивостью, во многом содержала в себе элементы временности, что предопределяло неизбежность последующих реформаций в правовой сфере. Методологический подход автора базируется на периодизации русской революции русского социолога П. Сорокина, который определял революцию как болезненный процесс, проходящий в своем развитии три фазы. Первая – кратковременная фаза радости и ожидания. Вторая – деструктивная, когда искореняются старые порядки, зачастую вместе с их носителями. Третья фаза революции – созидательная, в процессе которой в значительной степени реанимируются самые стойкие дореволюционные ценности и институты¹. Каждая из этих фаз революции имеет свои специфические особенности и характерные черты, определяющие особенности правовой системы. Поэтому выявление специфических особенностей и характерных черт каждой из фаз революции имеет принципиальное значение для понимания причин, сути и содержания правовых процессов, происходивших в различные исторические этапы. Процессы, происходившие в правовой сфере советской России в первой и второй фазах революции, рассмотрены автором в предыдущей работе². В данной работе исследуются процессы, происходившие в правовой сфере в 1920-е годы, когда российская революция вступила в третью фазу развития, ключевым содержанием которой была созидательная работа по оформлению и утверждению нового социального порядка, в том числе и создание правовой системы, соответствующей ему. Автор исходит из того, что реальные правовые реформации и создание советской модели правовой системы связаны с окончанием деструктивной фазы революции и переходом к третьей, созидательной фазе революции, в ходе которой создается устойчивая государственно-правовая система, обеспеченная стабильным и системным законодательством и рассчитанная на длительный срок применения. Именно в этот период система приобретает вполне законченную форму, обретает свою специфику и типичные черты, характерные для всего советского периода существования.

Современная историография развития права в 1920-е годы содержит немало уважаемых в научном сообществе работ как общего характера, так и по отдельным аспектам проблемы³. Они содержат различные концепции, точки зрения, суждения по проблеме формирования и развития советской государственно-правовой системы в различные периоды, в том числе и в 1920-е годы. Учитывая имеющийся исследовательский потенциал, авторский общий исследовательский замысел состоит в том, чтобы на фоне конкретных государственно-правовых явле-

---

¹ Сорокин П. Революция и социология // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 223–244.

² Никулин В.В. Российская революция и право. Генезис и становление советской правовой системы. 1917–1920 гг.: монография. М.: Юстицинформ, 2020.

³ Власов В.И. История судебной власти в России. Книга вторая (1917–2003). М.: Спутник, 2003; Исаев С.А. История государства и права России. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014; Кара-Мурза С. История советского государства и права. М.: Былина, 1998; Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: История, документы: в 6 т. Т. 5. М.: Мысль, 2003; Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017; Крашенинников П. Страсти по праву: Очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М.: Статут, 2018; Сырых В.М. Крыленко – идеолог советского правосудия. М.: Российская академия правосудия, 2003; Сырых В.М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. М.: Юрлитинформ, 2018; Сырых В.М. Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву. М.: Юрлитинформ. 2020 и др.

ний реконструировать процесс эволюции и приспособления советской правовой системы к изменившимся социально-экономическим условиям, выявить мотивы принятия тех или иных правовых решений, проанализировать процесс обретения системой цельного и законченного вида.

Немаловажным обстоятельством, влиявшим на содержание и специфику развития правовой системы, в частности гражданского права, оказала новая экономическая политика, проводимая в советской России в этот период. Эта важнейшая сторона развития права в 1920-е годы также нашла отражение в работе. Не менее важным представляется реконструкция технологии реализации идеологических догм и политических решений в реальной юридической практике.

Структура монографии выстроена в соответствии с исследовательским замыслом. В первой главе рассматривается процесс формирования концепции «революционной законности», которая должна была заменить неприемлемую в условиях созидательной фазы революции концепцию «революционной целесообразности», выявляются ее идеология и структурные элементы. Во второй – рассматривается процесс кодификации законодательства, создание системы уголовного и гражданского права, в нормах которых материализовались концептуальные основы советской теории права. В третьей главе анализируются базисные особенности и классовая специфика института наказания в уголовном праве советской России, рассматриваются доктринальные основы и практические аспекты применения классовых принципов в системе наказания. В четвертой главе исследуются процесс реализации концептуальных основ советской модели правосудия и ее внедрение в судебную практику. В пятой главе рассматривается проблема использования юридического механизма для подавления оставшихся в обществе антагонистических политических и идеологических альтернатив. В шестой главе анализируется процесс формирования партийной номенклатуры, трансформации ее в правящую корпорацию, сопровождаемый созданием для нее особых правовых условий. Седьмая глава посвящена заключительному периоду третьей фазы революции, когда многие положительные правовые реформации были отвергнуты, дискредитированы и принесены в жертву «революционной целесообразности». Раскрывается юридический механизм обеспечения хлебозаготовок и коллективизации, роль органов юстиции в данных кампаниях. В заключении формулируются основные выводы.

Технология решения исследовательских задач основана на анализе реальных правовых действий, осуществляемых в третьей фазе революции, выявлении мотивов их принятия и социальных и правовых последствий. В этих целях исследуемые проблемы рассматриваются на фоне фактических процессов, происходивших в провинции, что позволяет получить полноценную картину правовой жизни общества в ее динамике и повседневности. Автор стремился показать, как политико-правовые идеи приобретали юридические формы, материализовались в конкретных акциях местных властей.

Не менее важен анализ влияния идеологического компонента на развитие и эволюцию политико-правовых идей и формирование партийно-корпоративного правосознания в конкретный исторический период. В данном случае мы исходим из того, что «в этом смысле политико-правовая идея становится выразителем, с одной стороны, ценностных установок личности на конкретном этапе жизнедеятельности общества, а с другой стороны, служит критерием оценки идей прошлого с идеологической психологией настоящего»⁴.

Решение поставленных в монографии задач осуществляется на основе использования комплекса историко-юридических источников, выступающих как группа носителей информации юридического характера, которая относится к юридической (государственно-правовой)

---

⁴ Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллективная монография / под ред. С. В. Бочкарева. СПб.: Астерион, 2020. С. 71.

сфере жизнедеятельности общества, и выделяются в их массиве на основе содержательной возможности получения информации о развитии государственно-правовых процессов и институтов»⁵. Исходя из этого виды и разновидности историко-юридической информации представлены комплексом источников: государственные и партийные документы идеологического и политического характера как носители ретроспективной государственно-политической информации; правовые акты, ведомственные акты центральных и местных органов государственной власти и юридических органов; статистические материалы, следственно-судебные дела, труды ученых правоведов. Используемая в исследовании историко-юридическая информация содержится как в опубликованных, так и в архивных материалах. В значительной степени информация извлечена из центральных и местных архивов: Российского архива социально-политической истории (РАСПИ); Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ); Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО); Государственного архива общественно-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО); Государственного архива Воронежской области (ГАВО); Государственного архива Тамбовской области (ГАТО).

---

⁵ *Кодан С.В.* Классификация источников изучения истории государства и права России: теоретические подходы, классификационные основания, характеристика видов // *Genesis: исторические исследования.* 2018. № 11. С. 31–44 // DOI: 10.25136/2409-868X.2018.11.27995 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27995.

Глава 1

Концепция революционной законности

Переход к мирной фазе. Проблемы и задачи

Окончание гражданской войны и переход к новой экономической политике означал, что деструктивный период революции, когда государство в своих действиях основывалось на крайних формах открытого принуждения, закончился. Жесткие революционные эксперименты деструктивной фазы революции привели страну в экономический и политический тупик. Советская Россия пребывала в острейшем политико-экономическом кризисе, преодолеть который на пути продолжения революционного экспериментирования было невозможно. Нужен был экономический результат, и не просто результат, а быстрый, стремительный результат. В сложившейся ситуации единственно возможным вариантом быстрого экономического возрождения страны оставался проверенный экономической практикой предшествующих революций лет частный хозяйственный интерес. В политическом и экономическом аспекте это означало временную приостановку радикального курса на построение интегрального коммунизма, воздержание от революционной риторики об отказе от частной собственности, становившейся экономически вредной и неуместной, признание частного предпринимательства в качестве законного субъекта экономической деятельности. Таким образом, можно констатировать в 1921 г. смену тактики (но не стратегии) от политического доктринерства к экономическому прагматизму. Ставка успеха или провала данного предприятия была жизненно важной для большевиков – сохранение или утрата власти. В. И. Ленин это отчетливо понимал, констатируя политически и экономически бесспорный факт: «Мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота, иначе сохранить власть пролетариата в России, при замедлении международной революции, нельзя»⁶. В правовом аспекте смена тактики предопределяла понимание необходимости перехода от экономического и правового хаоса в форме открытого принуждения населения, к устройству жизни на основе закона, в том числе и создание правовых условий для функционирования нэповской экономической системы. Критично важно было для власти восстановить ценностные и нормативные основы жизни социума, поскольку разрушение в период гражданской войны двух важнейших социальных институтов – экономики и права привели к дезорганизации всей общественной жизни. Отсутствие в полной мере закона, норм поведения или их недостаточность девальвировали важнейшие социальные институты, вызвали значительные отклонения в поведении субъектов социума и в итоге привели к невозможности организации жизни на стабильной и долгосрочной основе. Все эти общественные реалии вызвали необходимость перехода к созидательной фазе революции, концентрированным выражением которой стала новая экономическая политика. Общегосударственная задача при переходе к новой экономической политике включала в себя решение нескольких взаимосвязанных задач. В экономической сфере – создать новую экономическую систему, которая позволила бы мотивировать частный хозяйственный интерес и тем самым обеспечить экономический подъем. Для этого необходимо было ликвидировать неустойчивые и неэффективные экономические структуры «военного коммунизма», создать новые, экономически эффективные, выстроить систему новых правил поведения в экономической сфере, которые бы позволили дать отдачу в виде быстрого экономического подъема и ликвидацию на этом фоне кризисных политиче-

---

⁶ Ленин В.И. X съезд РКП(б). Доклад о замене разверстки натуральным налогом // ПСС. Т. 43. С. 70.

ских явлений. В системе государственного управления необходимо было трансформировать «чрезвычайную диктатуру» в «мирную диктатуру», отменив чрезвычайный порядок управления страной. Предстояло создать новую структуру государственных органов, адаптированных к мирным условиям, упорядочить взаимоотношения центральных и местных органов власти, реформировать чрезвычайные органы.

В правовой сфере общая задача определялась как всестороннее правовое обеспечение регулирования общественных отношений, формирование устойчивого правового режима функционирования общества и всех государственных структур на основе детальной законодательной регламентации, что требовало отмены чрезвычайного законодательства деструктивной фазы революции и перехода от фрагментарного законодательства к стабильному законодательству по всем основным отраслям права. Абсолютно необходимым было реформирование судебной системы и структурирование системы юридических органов, регулирующих правовую организацию и функционирование правовой системы. Общую задачу для большевиков можно сформулировать как жизненно неотложное смягчение революционного прессинга на общество, добиться умиротворения общества, предотвратить дальнейшую деградацию страны и дезорганизацию функционирования основных управленческих и правовых институтов. Россия, измученная войной и террором, утомленная революцией, требовала примирения и успокоения. Новая экономическая политика и стала средством умиротворения страны на основе экономического компромисса и общественного спокойствия.

Решение всей совокупности государственных задач, в том числе и правовых, на принципиально новых началах было для большевиков чрезвычайно сложной проблемой, поскольку осложнялось наличием целого ряда важных обстоятельств как объективного, так и субъективного характера. Переход к новым условиям жизни и хозяйствования в рамках новой экономической политики был сложен для них прежде всего идеологически и политически, поскольку предлагаемая новая экономическая система покушалась на базовые коммунистические мировоззренческие установки и требовалось установление пределов таковых покушений. Исходя из этого, задача в области права в созидательной фазе определялась политической установкой – создать законодательно ограниченные пределы функционирования нэповской экономической системы в форме правовых ограничений и запретов, которые бы не позволяли системе полностью трансформироваться в частнособственническую и тем самым допустить разрушение советской государственно-политической системы. С другой стороны, ограничения и запреты не должны были препятствовать применению экономически эффективных приемов хозяйствования.

Эта задача была не из легких по причине наличия, с одной стороны, множества теоретических и практических проблем синхронизации законодательства с общеполитическими установками, с другой, значительным объемом предстоящей нормотворческой работы. Предстояло отменить или модифицировать огромный массив чрезвычайного законодательства (с 1917 года было издано более 4 тысяч нормативных актов, представлявших собой акты разной юридической силы, помещенные в разных изданиях и труднодоступные для практического использования). Всю эту массу разнородных и противоречивых актов необходимо было систематизировать, ликвидировать пробелы и противоречия, перейти от упрощенной и бессистемной формы источников права (декреты, приказы, постановления), носивших нестабильный характер, бывших относительными, изменяемыми и условными, к новой форме источников права – кодексам, законам, выполняющим систематизирующую функцию регулирования конкретных областей правоотношений.

Субъективный фактор определялся тем, что значительная часть советско-партийной номенклатуры считала, что введение законности равносильно «разоружению революции». Это был прямой результат предшествующей линии на насилие и принуждение как основных методов управления обществом. Долгая война, террор создают не только привычки и качества лич-

ности, но и определенные учреждения и институты, от влияния которых избавиться очень сложно. В 1920 году английский философ и общественный деятель Бертран Рассел совершил поездку в Россию, после чего пришел к выводу: «Пороки войны, особенно гражданской, являются несомненными и очень значительными. В ходе чудовищной борьбы наследие цивилизации, по-видимому, должно будет утрачиваться, в то время как ненависть, подозрительность и жестокость станут обычными во взаимоотношениях людей. Опыт власти неизбежно переделывает коммунистическую теорию, и люди, которые контролируют огромный правительственный механизм, едва ли могут иметь то же самое воззрение на жизнь, какое они имели. Если большевики останутся у власти, многое существует не для того, чтобы опасаться, что их коммунизм поблекнет»⁷. К такому же выводу пришел В. И. Вернадский, по мнению которого, гражданская война «... имела огромные ужасные последствия: ее глубокое вкоренение в человечество»⁸. М. И. Калинин отмечал, что «война и гражданская борьба создали громадный кадр людей, у которых единственным законом является целесообразное распоряжение властью. Управлять для них – значит распорядиться вполне самостоятельно, не подчиняясь регламентирующим статьям закона. Победа в гражданской войне породила у этих людей надежду, что дело пойдет так же быстро и в хозяйственном строительстве, стоит только пустить в ход военные приемы»⁹. В военной, деструктивной фазе революции у партийцев сложился примитивный тип поведения, основанный на идейном популизме и эмоциях, что порождало, в свою очередь, максимализм в действиях и нетерпение в достижении результата. Они, привыкшие к методам военного коммунизма, были неспособны воспринять качественно новую систему мотивационных механизмов поведения, в том числе и в отношении необходимости управлять законными методами. Поэтому переход к систематизированной системе законодательства в форме кодексов встречал сопротивление значительной части партийных и юридических функционеров, особенно в провинции. Среди них широко был распространен «революционный консерватизм», проявлявшийся в твердом убеждении необходимости сохранения теории и практики «революционного правосознания», которое давало им право управлять самостоятельно, руководствуясь исключительно революционной целесообразностью. Косность мысли, неспособность к анализу и творческому мышлению составляли существо советских управленцев и в итоге гносеологическую основу отрицания каких-либо изменений в методах управления обществом, в том числе и в правовой сфере. Данное обстоятельство необходимо расценивать как один из существенных факторов, влиявших на отношение к закону, на формирование государственной правовой концепции и на правоприменительную практику.

Их общая позиция строилась на убеждении, что «достаточно действовать по революционному правосознанию, не имея процессуальных законов, так как законы должны лишь быть дополнительным руководством к революционной совести»¹⁰. Звучали и радикальные мнения: «Все, что есть в римском праве, не должно быть применимо к законам пролетарского права, так как эти законы всегда давали возможность обойти его и направлять против пролетариата. Статья 94 Положения о Нарсуде дает достаточно гарантий от судебных ошибок. Судьи недостаточно творчески подходят к работе. Нужно судебное творчество. Революционное правосознание – превыше всего»¹¹. Заметим – это утверждали народные судьи на съезде судебных работников Тамбовской губернии в январе 1922 г., таков был уровень правосознания многих из них. Но звучали и другие мнения. Наиболее здравомыслящие и профессионально подготовленные

---

⁷ Бертран Р Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991 // DOCPLAYER. URL: <http://docplayer.ru/80695830-Bertran-rassel>.

⁸ «Важно содержание: свобода слова, мысли, веры»: из дневников В. И. Вернадского 1922–1925 гг. // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 109.

⁹ Цит. по: *Медведев Р* О Сталине и сталинизме. Исторические очерки // Знамя. 1989. № 4. С. 186.

¹⁰ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО) Ф. Р-648. Оп. 1. Д. 54. Л. 4.

¹¹ ГАТО. Ф. Р-648. Оп. 1. Д. 54. Л. 6.

юристы понимали необходимость принятия систематизированного законодательства. «Процессуальные нормы должны быть выражены в письменной форме. То есть в форме издания необходимых законов»¹². Можно говорить о том, что вопрос о переходе к практике «революционной законности» и кодификации стал острейшим вопросом, и это признавалось, в первую очередь, профессиональными юристами. Они были убеждены, что, несмотря на структурные преобразования (ликвидация специальных судов, организация особых сессий при ЧК), придавшие системе определенное структурное единство, согласованности в правоприменительной практике по-прежнему не было. Главная причина – отсутствие систематизированного законодательства. На том же съезде судебных работников Тамбовской губернии подчеркивалось, что отсутствие точных норм процессуального и материального права тормозит деятельность судов по проведению нэпа в жизнь.

Все это приводило к тому, что нарсуды, руководствуясь судебными усмотрениями, «плавали в тумане правовых представлений, не имея твердой почвы»¹³. При отсутствии кодексов судьям приходилось самим выпутываться из сложных юридических ситуаций, что было весьма непросто. В связи с расширением экономической деятельности в советской судебной практике стали возникать вопросы купли-продажи, выполнения договорных обязательств, нарушения договоров и другие, судьи же не знали, как их разрешать. Не было нотариусов для удостоверения тех же сделок. Еще более очевидным становилось, что разрешение правовых вопросов революционным порядком, связанное с личностью судьи, его личными воззрениями приводило к большой путанице понятий о дозволенном и недозволенном. Отсутствие кодексов, ломка прежнего права, лишившие судей научных основ права, четких критериев для осуществления правосудия, не создавало надежного и авторитетного источника права для работы судов, так как в условиях приоритета революционной целесообразности решение вопросов правосудия зависело не от определенных форм формального права, а от так называемого судебного усмотрения, то есть зависело от личных воззрений судьи, что порождало большой разброс судебных решений по однородным делам. Это было шаткое основание для всей правоприменительной практики. Судебная практика в этой ситуации оставалась единственным источником революционного правотворчества, что являлось одной из причин правового хаоса в общегосударственном масштабе.

В итоге прагматизм победил. Необходимость умиротворения страны заставила руководство большевиков пересмотреть некоторые свои взгляды послеоктябрьского «романтического» периода. Стало понятно, что «твердая репрессивная политика» не совместима с мирным, созидательным периодом, с разнообразием «калужской» или «казанской» законности, без укрепления законности немислимо стабильное развитие экономики. Власть могла утвердить себя в новом качестве не иначе, как обеспечив неукоснительное соблюдение ее предписаний населением, должностными лицами и всеми государственными органами. Идея «отмирания права» была оставлена на будущее, для коммунизма. Поэтому началась подготовка нового законодательства, на основе которого можно было бы на законном основании «отстаивать социализм».

---

¹² ГАТО Ф. Р-648. Оп. 1. Д. 54. Л. 6.

¹³ ГАТО Ф. Р-648. Оп. 1. Д. 54. Л. 23.

Концепция «революционной законности». Противоречия и трудности формирования

Вся эта организационно и юридически многосложная работа, осложненная политическим ранжированием, велась в рамках официальной концепции «революционной законности», которая должна была заменить концепцию «революционной целесообразности». Центральная идея концепции формулировалась как переход от чрезвычайных методов регулирования общественной жизни к ее регулированию на основе закона. Ставилась весьма претенциозная задача изменить общественное отношение к закону. «До настоящего момента существовал только один подход к праву: чтобы то не стояло на пути укрепления советской власти, оно должно быть уничтожено. Но теперь времена изменились. Нашей великой задачей является сделать так, чтобы народ почитал закон»¹⁴. Означал ли декларируемый переход к «революционной законности», основанной на непререкаемом авторитете закона, полноценный отказ от «революционного правосознания» как правовой категории и «неправовой» основы для принятия судебных решений? Как показали дальнейшие события, в полной мере этого не произошло. Большевикам, исходя из понимания приоритетности задачи экономического возрождения, пришлось искать баланс между мировоззренческими и политическими приоритетами и объективной необходимостью повышения роли права в системе государственного управления. Требовалось серьезное изменение черт, характера и способа применения правовых норм, в частности, перейти исключительно к судебной форме разрешения конфликтов и преследования преступников. Кроме того, абсолютно невозможно было обеспечить проведение нэпа с его достаточно развитой системой гражданских правоотношений и разнообразием хозяйственной жизни без четко юридически обозначенных условий. Таким образом, во-первых, интерес к праву объективно повышался, во-вторых, менялись его содержание и форма. В целом ведение нэпа требовало пересмотра правовой политики в форме ее примитивного чрезвычайного характера в деструктивный период на политику, соответствовавшую созидательной фазе революции. В связи с этим возникла проблема формирования теоретической конструкции социалистического права в новых условиях. Главный вопрос – каким должен быть советский закон в условиях мирного периода? Однозначным в большевистской среде было понимание того, что в основе советского права должна лежать марксистская концепция правопонимания. Детальная же конструкция советской модели права представлялась весьма расплывчатой теоретически и не вполне ясной в практическом плане. Теоретической и практической основой советского права, основополагающей правовой категорией становится «революционная законность», хотя ее теоретическая и практическая конструкция была весьма путаной, что требовало уточнения содержания данной правовой категории. В мае 1921 года по инициативе газеты «Известия» началась дискуссия по вопросам «революционной законности». Ставилась задача вовлечь в дискуссию возможно большее количество участников, выявить различные точки зрения по этому вопросу. Разброс мнений был достаточно широк – от официального признания безусловного классового характера содержания «революционной законности» до концепции бесклассовости законности, трактовавшейся как «система устройства общественного бытия, независимо от экономических форм и политических условий их существования». Немало было и сторонников теории чрезвычайного законодательства и революционной совести, отрицавших вообще необходимость системного правового регулирования при социализме, достаточно было, по их

---

¹⁴ *Калинин М.И.* Выступление на четвертом съезде деятелей советской юстиции // Четвертый Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. М., 1922. С. 6–7.

мнению, иметь в качестве источников права декреты, приказы, имевшие характер не правовых норм, а боевых приказов и распоряжений»¹⁵.

Важнейшей, прежде всего, практической проблемой было вписать в концепцию «революционной законности» революционную целесообразность. Право на сохранение этого понятия в юридической практике было принципиально важно для большевиков, поскольку оно было критерием безусловного следования во всех юридических действиях политической догме. Он позволял при необходимости проигнорировать требования закона и действовать на основе прямых директивных указаний. Особенно важно это было в условиях нэпа, когда требовался контроль над частным капиталом с целью своевременного предотвращения возможных угроз с его стороны для советской системы. Теоретически трудно найти взаимосвязь революционной законности и революционной целесообразности, поскольку при любых теоретических построениях законность не предполагает иного, кроме как точного выполнения законов, революционная целесообразность же – прямая противоположность, так как в ее основе игнорирование закона ради достижения политических целей. Решалась эта неразрешимая проблема теоретическими ухищрениями и практически малосодержательными рассуждениями. Утверждалось, что любой закон содержит революционный смысл, дух и революционную цель (революционная законность – это законы, установленные революцией), и при применении закона надо руководствоваться не только мертвой буквой закона, но и данными категориями. Поэтому революционная законность не исключает революционной целесообразности, а должна комбинироваться с ней, чтобы достичь революционной цели¹⁶. В результате общий подход правопонимания в рамках «революционной законности» сводился к двум основополагающим тезисам. С одной стороны, право есть инструмент воздействия на развитие страны правовым порядком, когда «диктатура пролетариата действует через революционную законность»¹⁷, с другой, возникающие революционные интересы и потребности при необходимости могут потеснить правовые средства, когда они не обеспечивают решение возникающих политических и идеологических проблем.

Не могли большевики и отказаться от принципа классовости права, ибо это противоречило бы самой сути марксистского мировоззрения. Классовая трактовка права позволяла интерпретировать законность как волю господствующего класса, которая, в свою очередь, олицетворялась с политикой правящей партии, что давало возможность действовать государству при необходимости вне правовых рамок. Поэтому революционная законность воспринималась не иначе как правопорядок, установленный диктатурой пролетариата. «Что такое советский закон? Советский закон, если у нас есть пролетарская диктатура, есть закон пролетарской диктатуры. Что такое нарушение законов пролетарской диктатуры? Нарушение законов пролетарской диктатуры есть ломка пролетарской диктатуры»¹⁸.

Необходимо акцентировать внимание и на еще один существенный фактор, принципиально повлиявший на содержание концепции «революционная законность» – это новая экономическая политика. Новая экономическая политика породила, как уже говорилось, для большевиков острейшее политическое и мировоззренческое противоречие. С одной стороны, невозможно было сохранить власть без улучшения экономического положения путем предоставления свободы экономической деятельности. С другой стороны, это влекло за собой неизбежное усиление капиталистических элементов, представлявшие опасность для режима. «Свобода торговли, даже если она вначале не связана с белогвардейцами, как был связан Крон-

---

¹⁵ Камалова Г.Т. Концепция законности в годы НЭПа: теория и практика // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 18. 2008. С. 3–11.

¹⁶ Брандбургский Я. Просто законность или революционная законность? // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 31/32. С. 1–2.

¹⁷ Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 474, 482.

¹⁸ Бухарин Н.И. Партия и оппозиция. На пороге XV партсъезда // Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 351.

штадт, все-таки неминуемо приведет к этой белогвардейщине, к победе капитала, к полной его реставрации. Я повторяю, эту политическую опасность мы должны осознать ясно»¹⁹. Решение острейшего политического противоречия виделось в усилении идейно-политического контроля над обществом, в механизме которого существенным элементом становилось политизированное право. На этой основе сформировалась и общая схема нэпа: жесткость в политике, либерализм (относительный) в экономике. Это потребовало наличия в общей правовой концепции убедительных правовых гарантий сохранения советской системы при наличии капиталистических элементов в экономике. Гарантия виделась в создании системы жестокого государственного капитализма, в которой, с одной стороны, для частного сектора экономики должна быть сохранена экономическая мотивация и частная инициатива не была бы чрезмерно законодательно ограничена, с другой, присутствовали бы жесткие ограничения частного капитала в виде правоограничений и запретов, препятствующих полноценному развитию капитализма и возникновению потенциала его полной реставрации. Для того чтобы своевременно реагировать на возможные угрозы, Ленин предлагал в случае возникновения «злоупотребления нэпом» не связывать себе рук законом. «Если текущая жизнь обнаружит злоупотребления, которых мы не досмотрели раньше, мы сейчас же внесем нужные исправления. На этот счет вы все, конечно, прекрасно знаете, что быстроты законодательства подобной нашей, другие державы, к сожалению, не знают»²⁰. Таким образом, законодательство виделось текучим, подверженное изменениям в зависимости от политической и экономической ситуации. Стратегическая задача – создать надежные юридические ограничения частного капитала в форме государственного регулирования нэповской экономики.

В целом при выработке концепции «революционной законности» большевикам пришлось столкнуться с серьезными теоретическими и практическими проблемами. Главная проблема заключалась в том, чтобы в теоретическом и практическом плане прийти к компромиссу в форме оптимального сочетания двух противоположностей. С одной стороны, создать систему законодательства, обеспечивающую все элементы жизни общества, в том числе и в экономической сфере, ограничить произвол органов власти периода деструктивной фазы, с другой, обеспечить правовыми средствами устойчивость политической системы. Именно этот круг проблем и определял мотивы практических действий большевиков при разработке концепции «революционной законности».

Все эти обстоятельства и политико-идеологические условности вели к тому, что формировавшаяся под реальные потребности созидательной фазы революции концепция «революционной законности» не содержала в себе значительного созидательного потенциала, поскольку она не меняла принципиальных основ понимания роли права, закона, правотворчества в обществе, сконструированных на основе революционной ортодоксальности деструктивной фазы революции, смещались лишь акценты в понимании терминов. Понимание закона в интерпретации «революционной законности» сводилось к неукоснительному следованию политической доктрине, что на практике означало ориентацию в первую очередь на выявление способов наиболее эффективного в конкретных условиях достижения экономических и политических целей, причем вторая цель, как правило, превалировала. Таким образом, сложившаяся сразу же после октября 1917 года односторонняя ориентация права на политическую доктрину продолжала быть определяющей и в 1920-е годы, что приводило в правоприменительной практике неизбежно к постоянной подмене принципа законности принципом «революционной целесообразности», которую следует рассматривать как один из способов реализации политической доктрины посредством механизма правотворчества и судебной практики, не вытекавших прямо из закона.

---

¹⁹ Ленин В.И. X съезд РКП(б). Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта // ПСС. Т. 43. С. 25.

²⁰ Ленин В.И. Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва // ПСС. Т. 45. С. 248.

В итоге советская правовая мысль 1920-х годов так и не могла выйти из узкого круга мировоззренческих и классово-политических ограничений и создать приемлемую для мирного периода правовую концепцию. «Революционная законность» была предметом дискуссии на протяжении всех 1920-х годов, оставаясь теоретически до конца не сформированной, а практически двусмысленной²¹. Такое положение в принципе не затрудняло большевиков, неясность категории позволяло в практической деятельности трактовать «революционную законность» широко, придавая и усиливая те или иные нужные нюансы, необходимые для решения идеологических, политических и экономических задач. Политико-идеологические рамки концепции не могли не сказаться на содержании основных кодексов, принятых в 1920-е годы. Несмотря на наличие в кодифицированном советском праве известных позитивных элементов, очевидно, что кодификация законодательства была проведена в рамках сложившихся концептуальных подходов к праву. В силу этого принятые в начале 1920-х годов кодексы, созданные на основе концепции «революционной законности», не могли стать основным и исчерпывающим источником права. В реальной жизни действовали и источники права, относимые к категории «право власти»: революционная целесообразность, указания партийно-государственных органов, идеологические концепции, теоретические представления большевиков о праве и государстве. Концепция «революционной законности» была концепцией, приспособленной к задаче создания устойчивой новой общественной системы.

---

²¹ Папырин В.В. Концепция «революционной законности» и особенности ее воплощения в политико-правовой жизни советской России в период НЭПа // История государства и права. 2007. № 8. С. 35–36.

Глава 2

Уголовный и гражданский кодексы. Принципы и особенности формирования

Для реализации концепции «революционной законности» требовался инструментарий в виде систематизированного и устойчивого законодательства. С этой целью в первой половине 1920-х годов в советской России была проведена полномасштабная кодификация, в результате которой оформились единая система советского права, выделились его основные отрасли и институты. Кодексы занимали особое положение во всей системе отраслевого законодательства, что подчеркивалось специальным порядком их утверждения, внесения дополнений и изменений исключительно на сессиях ВЦИК в отличие от простых законов, которые принимались Президиумом ВЦИК или СНК РСФСР. В 1922–1926 гг. были приняты десять кодексов РСФСР: уголовный, гражданский, УПК, ГПК, земельный, лесной и кодекс законов о труде, утверждены новый брачно-семейный кодекс. В 1929 году было издано систематическое собрание законов РСФСР, в которое вошли все действующие законы.

Кодификация, с одной стороны, безусловно, являлась комплексом законодательных мер, направленных на замену несистематизированного законодательства на системное законодательство. Вторая сторона кодификации заключалась в материализации доктринальных положений концепции «революционной законности», которые были закреплены в принятых кодексах. Попытаемся на основе анализа содержания двух основных кодексов, принятых в 1920-е годы, Уголовном и Гражданском, выявить материальные проявления «революционной законности».

На XI конференции РКП(б) (19–22 декабря 1921 г.) кодификация становится партийной директивой, а следовательно, и правовой реальностью. В резолюции «Об очередных задачах партии в связи с восстановлением хозяйства» указывалось, что необходимо установление «во всех областях жизни строгих начал революционной законности. Новые формы отношений должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке. Для разрешения всякого рода конфликтов в области имущественных отношений должны быть установлены твердые гражданские нормы»²². Подготовка кодексов находилась под пристальным вниманием Ленина, понимавшего, что кодексы, с одной стороны, определяют на длительное время политику государства в правовой сфере, с другой, должны обеспечить правовыми средствами устойчивость политической системы. Поэтому его основные устремления заключались в недопущении деполитизации права, что проявилось в концептуальной целостности политической доктрины и кодексов.

Общая модель кодификации базировалась на двух принципиальных положениях. Во-первых, было признано, что правовая система военного коммунизма неспособна обеспечить решение стратегической задачи – восстановление экономики, необходим новый правопорядок, обеспечивающий жизнеспособность и экономическую эффективность нэповской системы, что требовало частичной реабилитации традиционных правовых теорий, концепций и институтов в кодексах. Во-вторых, новый правопорядок должен был гарантировать сохранение советской политической системы и основополагающих принципов советского государства. Таким образом, общие политические требования к нормативному содержанию кодексов заключались в создании правовых условий развития экономики и обеспечении устойчивости советской государственности.

---

²² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 8 изд. Т. 2. М., 1970. С. 471–472.

Уголовный кодекс

Решение о разработке Уголовного кодекса было принято на III Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в июне 1920 г. И хотя к 1922 году проект кодекса был недостаточно проработан, содержал множество пробелов и неясностей, 23 мая 1922 г. сессия ВЦИК утвердила Уголовный кодекс РСФСР, и он вступил в силу с 1 июня 1922 г. Кодекс в нормативном плане представлял собой как систематизированное обобщение ранее принятых нормативных актов в области уголовного права, судебной практики народных судов и революционных трибуналов, так и комплекс впервые вводимых норм. УК РСФСР 1922 г. в структурном плане воспринял конструкцию и юридическую технику дореволюционного уголовного права. Он состоял из двух частей, общей и особенной. Общая часть устанавливала пределы действия УК, общие начала применения наказания, определяла меры наказания, род и виды наказаний и порядок отбывания наказания. Особенная часть состояла из 8 глав, в которых были систематизированы преступления по видам и их общественной опасности. Действие УК распространялось на все преступления, совершенные в пределах РСФСР, как ее гражданами, так и иностранцами, не пользовавшимися правом экстерриториальности. Действие УК распространялось на граждан РСФСР и в том случае, если они совершили преступление за пределами республики, а также на пребывающих в РСФСР иностранцев, совершивших вне РСФСР преступление против основ государственного строя и военной мощи РСФСР. Несмотря на краткость (состоял из 227 статей и был одним из самых коротких уголовных кодексов в мире), кодекс содержал все же достаточно развитую систему наказаний по сравнению с предыдущей и включал в себя широкий спектр применяемых уголовных санкций.

В литературе подробно охарактеризованы юридическая сторона кодексов, поэтому акцентируем внимание лишь на их специфических «политически ангажированных» аспектах, в которых нашли реализацию идеи «революционной законности», определявшие «дух советского закона». Во-первых, в уголовный кодекс была органически вписана одна из центральных идей «революционной законности» – революционная целесообразность. Она проявлялась в нескольких аспектах, и в первую очередь, в наличии в уголовном кодексе законодательной основы для применения санкций против политических противников. На необходимости этой нормы особенно настаивал Ленин, в этом вопросе он был бескомпромиссен. В переписке с наркомом юстиции Д. И. Курским он настаивал на усилении политических моментов в кодексе в плане усиления возможностей преследования и наказания контрреволюционеров. Предложение исключить из кодекса как меры наказания расстрела Ленин решительно отверг. Более того, он настаивал на расширении сферы применения расстрела (с возможностью замены высылкой за границу). В первоначальном варианте кодекса в качестве условия, гарантирующего советскую власть от посягательства на нее контрреволюционных элементов, Ленин предложил революционным трибуналам предоставить право применения в качестве высшей меры наказания – расстрела по контрреволюционным преступлениям и преступлениям против порядка управления. Ему же принадлежала формулировка статьи кодекса, в которой давалось определение контрреволюционного преступления и меры наказания за него. Ленин определил контрреволюционное преступление как пропаганду, агитацию, участие в организации или содействие ей путем или интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. п. средствами²³. Не отрицал он и возможностей возвращения к террору как форме самозащиты революции. Он настаивал на том, чтобы «открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание тер-

---

²³ Ленин И. В. Дополнения к проекту вводного закона к уголовному кодексу РСФСР. Письма Д. И. Курскому. 15 мая 1922 г. // ПСС. Т. 45. С. 189–190.

рора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранять террор: обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас»²⁴. Именно эти предложения легли в основу 58-й статьи УК РСФСР, ставшей основной репрессивной политической статьей УК. Ленинская жесткость в отношении политических статей кодекса особых возражений не вызвала, хотя порой раздавались и робкие несогласия. На третьей сессии ВЦИК 9-го созыва (12–20 мая 1922 г.) при обсуждении проекта Уголовного кодекса некоторые участники сессии выступили за исключение из кодекса такой меры наказания, как расстрел. Известный большевик Д. Б. Рязанов, был одним из немногих, отстаивавших такой подход²⁵. Расстрел, утверждал он и его сторонники, может применяться лишь в качестве внесудебной меры революционной борьбы с врагом, а не по суду. Это предложение не могло быть принято, поскольку сужало возможности борьбы с политической оппозицией. Нарком юстиции Д. И. Курский объяснял, что подобные предложения возвращают нас «к тому моменту, от которого мы отошли. А советская республика на новом этапе считает необходимым и с контрреволюционными преступлениями бороться путем закона»²⁶. Уголовный кодекс был принят с учетом указаний Ленина. Кодекс признавал, что рассмотрение дел о контрреволюции должно производиться судебным порядком на основе точно определенных законом положений, и допустил расстрел в качестве высшей меры наказания за такие преступления. Состав преступлений 19 статей Уголовного кодекса 1922 г. предусматривал в качестве санкции меру наказания – расстрел, из которых состав 13 преступлений назначался за контрреволюцию. При этом предусматривалась возможность замены расстрела лишением свободы от 5 лет и ниже при наличии смягчающих обстоятельств. Состав преступления 11 статей УК предусматривал расстрел при наличии отягчающих вину обстоятельств. Смертная казнь предусматривалась также за 9 воинских преступлений, в большинстве своем совершенных в военное время или в боевой обстановке. К числу контрреволюционных УК 1926 г. стал относить и «экономическую контрреволюцию», под которой понималось «подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций»²⁷.

В полноценном формате была реализована в уголовном законодательстве и другая определяющая идея «революционной законности» – классовость права. В УК РСФСР 1922 года (ст. 58—7) осознанно закреплялся классовый характер советской уголовной политики. Классовость, как принцип уголовной политики, неизбежно приводил законодателя к классовому определению правонарушения. К классическому приему построения понятия «преступления и наказания» – «преступление есть деяние, нарушающее нормы правопорядка» – добавлялся тезис, утверждавший, что преступными актами являются те правонарушения, которые нарушают или угрожают наиболее важным интересам определенной социальной группы и политической доктрины. В результате к преступным актам причислялись наиболее вредные и опас-

---

²⁴ Ленин В.И. Дополнения к проекту вводного закона к уголовному кодексу РСФСР. Письма Д. И. Курскому. 15 мая 1922 г. // ПСС. Т. 45. С. 190.

²⁵ Рязанов Давид Борисович (Гольдендах Давид-Симха Зельман-Беро-вич) 1870-1938 гг., деятель российского социал-демократического движения, коммунист, в революционном движении с 1887 года. В 1921 году основал и возглавил Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, которым руководил до середины февраля 1931 года. В 1931 году был обвинен в связях с меньшевиками. В феврале 1931 года арестован, исключен из партии, снят со всех постов, исключен из Академии наук СССР, выслан в Саратов. Работал на историческом факультете Саратовского государственного университета. В январе 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован 22 марта 1958 года.

²⁶ Бюллетень III сессии ВЦИК 9-го созыва. № 4. Заседание 23 мая 1922 г. С. 4–5; 13–14.

²⁷ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. (УК РСФСР 1926 г.) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

ные для положения определенной социальной группы и данной системы власти действия. Эта формула отчетливо проявлялась в статье 6 УК, которая определяла преступление как «всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунизму период времени». Классовый принцип отчетливо проявлялось и в статье 5 УК: «Задача УК – правовая защита трудящихся от преступлений и от общественно – опасных элементов»²⁸. Не защита личности так таковой, а защита именно трудящихся. Особенно рельефно классовое начало акцентировалось в нормах ст. 24 и 25, в которых перечисляется, что должен учесть суд, определяя наказание, и где особенно обращалось внимание на классовую принадлежность преступника и мотивы преступления. Так, статья 24 определяла, что при определении меры наказания учитывается степень и характер как самого преступника, так и совершенного им преступления. Статья 25 на первое место в качестве критериев определения наказания выделяет такие факторы, как совершено ли преступление в интересах восстановления власти буржуазии или в интересах личных; направлено ли преступление против государства или отдельной личности. Таким образом, классовой или политической принадлежности личности придавалось юридическое значение, что имело немалое значение при определении наказания. Наказание за преступление против государства были значительно жестче, чем против личности.

Революционная целесообразность и классовость неизбежно вели к реализации в УК третьей идеи «революционной законности» – возможность широкого толкования статей УК судом, что позволяло суду, как «орудию охраны интересов господствующего класса», успешно решать задачу обеспечения идеологических и практических интересов власти. Тезис о постоянной изменчивости пролетарского права, «вытекающего из взаимоотношений между классовыми группами», свидетельствовал о социологическом начале в Уголовном кодексе. Не отрицали этого и официальные толкователи кодекса. Представитель Наркомата юстиции, разъясняя подходы к «новому праву» на съезде судебных работников Тамбовской губернии в октябре 1923 года, акцентировал внимание именно на этой особенности советского права: «В противоположность понятию буржуазного права, которое считает право постоянной мерой справедливости, право с точки зрения марксизма не является таковым, а есть классовая норма, которая вводится в действие классом, находящимся у власти. Советское законодательство в отличие от буржуазного является «текущим», в зависимости от экономических функций страны. Мы будем в первую очередь защищать рабочих и крестьян. Закон является действительным только на тот период, на который он дан. Прошел срок, и мы строим новый закон, который расчищает путь к коммунизму»²⁹. Именно в этом со всей очевидностью проявлялось понимание законности как, прежде всего, соблюдение советской лояльности в политическом и мировоззренческом смысле и возможности быстрого изменения закона в зависимости от развития политической ситуации.

Возможности широкого толкования УК предоставляли суду огромные права толкованию духа законов. «Мы не делаем так, как буржуазия: каждый конкретный случай имел описание в законе. Мы говорим: судья должен обследовать дело со всех сторон, мы в одной статье не даем определения наказания. У нас есть небольшой кодекс, который находится в руках классового суда, который применяет его по своему сознанию и должен прийти на помощь слабой стороне»³⁰. В официальных разъяснениях отличия УК РСФСР от буржуазного, обращалось внимание на три принципиальных положения: первое – просто написан и приспособлен для понимания людьми без специального образования. Второе – его классовое основание, обеспечивающее «классово-справедливое» решение суда. Третье – отсутствие стесняющей суд лестницы наказаний, возможность применять любое из наказаний, ныне указанного в данной

---

²⁸ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

²⁹ ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 376. Л. 28.

³⁰ ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 9. Л. 76.

статье при наличии соответствующих мотивов»³¹. Циркуляр Верховного суда «О степени обязательности смягчения наказания в зависимости от обстоятельств, предусмотренных ст. 25 УК» (февраль 1924 г.) разъяснял, что при вынесении приговора суд не может быть стеснен в избрании меры наказания и таковая определяется им по своему внутреннему убеждению и социалистическим правосознанием. Согласно ст. 24 и 25 УК, суд при этом учитывает все обстоятельства, способные свидетельствовать о степени и характере опасности, как преступника, так и преступления и в зависимости от результатов изучения всех конкретных данных, даже при наличии смягчающих вину признаков, указанных в ст. 25 УК, имеет право назначать максимальное наказание, установленное соответствующей статьей УК³².

На возможности классового толкования УК было направлено и санкционирование применения аналогии. «В случае отсутствия в УК прямых указаний на отдельные виды преступлений наказания... применяются согласно статьям УК, предусматривающим наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части Кодекса»³³. Естественно, возникал вопрос: как может судья применять по аналогии конкретный случай к тому, который написан в законе, притом что в УК законодатель отказался от практики описания каждого случая в законе? Ответ был прост: «Классовый суд должен применять пролетарское правосознание»³⁴. Таким образом, социалистическое правосознание во многом оставалось мотивировочной основой назначения наказания, что позволяло судьям достаточно вольно трактовать статьи УК с классовых позиций, прежде всего с точки зрения мягкости или жесткости наказания в зависимости от классовой принадлежности.

Кодекс 1922 года, по мнению многих исследователей, был первой и в целом не совсем удачной попыткой создания систематизированного советского уголовного законодательства. Уголовный кодекс был написан «языком тяжелым, малопонятным для широких масс, принося в жертву точности юридических формулировки соображения доступности Кодекса»³⁵. Ввиду явных упущений в кодексе он впоследствии подвергался значительным корректировкам. В ноябре 1926 года ВЦИК принял новый УК и ввел его в действие с 1 января 1927 года. Появление нового кодекса официально объяснялось двумя причинами: желанием исправить отдельные недостатки и пробелы УК 1922 года, обнаружившимися в ходе его применения, а также необходимостью привести кодекс в соответствие с «Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». Кодекс 1926 г. не внес значительных изменений в УК 1922 года, лишь исправив в отдельных частях недоработки предыдущего УК. В качестве заметных отличий его от кодекса 1922 года можно выделить усиление в его нормах политических аспектов, что выразилось более детальной разработке разделов о государственных и воинских преступлениях. Для этого была произведена перегруппировка уголовных статей в пользу интересов государства. Наибольшему изменению подверглась глава 2 о преступлениях против порядка управления. Пополнение данной главы произошло в основном за счет включения в нее хозяйственных преступлений. Если в УК РСФСР 1922 г. преступления против порядка управления занимали 30 статей (ст. 74—104), а преступления хозяйственные – 15 статей (ст. 125—141), то в УК РСФСР 1926 г. число первых возросло до 60 статей (ст. 59(1)—108), из которых 14 перенесены из главы о хозяйственных преступлениях³⁶. Перенесение части хозяйственных преступлений в разряд преступлений против порядка управления объяс-

³¹ ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 376. Л. 28.

³² ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 181. Л. 2.

³³ УК РСФСР 1922 г. Ст. 10.

³⁴ ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 376. Л. 81.

³⁵ Крашенинников П. Страсти по праву: Очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М.: Статут, 2018. С. 82.

³⁶ Чердаков О.И. Формирование правоохранительной системы Советского государства, 1917–1936 гг. (историко-правовое исследование): дис... докт. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 201.

нимо, учитывая колоссальный рост в условиях новой экономической политики экономических преступлений и их разнообразия, что потребовало более детального их регламентирования и более жесткого подхода.

Идеологическая обусловленность советской уголовной политики отразилась в более детальной разработке раздела о государственных преступлениях, среди которых наиболее опасными считались контрреволюционные. 58-я статья УК была одной из наиболее разветвленных в кодексе и предусматривала до 14 квалифицированных составов, в которых конкретизировалось понятие «контрреволюционное преступление». Из всех статей 58 с индексом только одна — 58–12 не влекла за собой в качестве санкции высшей меры социальной защиты. Обращает на себя статья 58—7, устанавливавшая уголовную ответственность за подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы и кооперации. Статья стала серьезным основанием для начавшихся в конце 1920-х годов процессов о вредительстве в промышленности. Статья 58–10, устанавливавшая уголовную ответственность за пропаганду или агитацию, содержащую призывы к свержению, подрыву или ослаблению советской власти, была направлена на подавление и пресечение любых форм антисоветизма.

Гражданский кодекс

Принципы «революционной законности» были заложены и в Гражданский кодекс, при создании которого решались две базовые задачи. С одной стороны, было необходимо закрепить в кодексе основные принципы имущественных отношений, необходимых для реализации новой экономической политики. С другой, создать нормативную основу, позволяющую нейтрализовать политические и идеологические опасности нэповского эксперимента для советской системы. Таким образом, постановка двух противоположных задач логично вела законодателя к идее сочетания в кодексе норм частного и публичного права, взяв из гражданского права то, что нужно для стимулирования экономического развития, а все прочее отбросить. С точки зрения классической цивилистики это теоретически и практически было невозможно: если гражданское право всегда было частным, его нельзя сделать публичным. Если гражданский кодекс создавать, надо возрождать все или почти все дореволюционное гражданское право, – таков был профессионально-юридический взгляд на проблему.

Решение теоретической дилеммы нашел В. И. Ленин, предложивший трактовать гражданские правоотношения как публично-правовые, что позволяло расширить правовые рамки государственного вмешательства в частнохозяйственную деятельность. Пределы вмешательства простирались вплоть до «возможности контролировать все без изъятия частные предприятия и отменять все договора и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящихся рабочей и крестьянской массы»³⁷. Подобная трактовка гражданских правоотношений позволяла сформировать экономическую модель нэпа в форме жестокого государственного капитализма, в которой бы, с одной стороны, частный капитал признавался законным субъектом экономической деятельности, не был бы чрезмерно ограничен, и дозволенные рамки его деятельности позволяли ему стать фактором экономического развития. С другой стороны, устанавливался политический предел, облеченный в юридическую форму деятельности частного капитала, критерием которого выступала степень экономического и политического влияния частного капитала на общественную жизнь, его способность расширяться и укрепляться и в итоге стать способным на реставрацию капиталистических отношений. Формула Гражданского кодекса определялась экономической необходимостью и политической целесообразностью и заключалась в создании системы правового обеспечения ограничения частного капитала. «Пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развитие капитализма лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка) частной торговли и частнохозяйственного капитализма»³⁸.

Работа над кодексом шла с лета 1921 года, и в ходе работы над ним постоянно усиливались его политические аспекты. Принятая в мае 1922 г. Декларация основных частных имущественных прав, признаваемых РСФСР³⁹ не стала составной частью Гражданского кодекса в силу того, что в ней устанавливались гражданско-правовые отношения классического вида – предоставлялась широкая свобода экономических отношений и отсутствовала правовая возможность государства аннулировать договоры между частными лицами, наносящие ущерб государству. Именно отсутствие государственного вмешательства в гражданско-правовые отношения и вызвало резкую реакцию В. И. Ленина, настаивавшего на ограничении свободы экономических отношений, и после вмешательства которого положения кодекса

---

³⁷ Ленин В.И. Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) о Гражданском кодексе РСФСР // ПСС. Т. 44. С. 401.

³⁸ Ленин В.И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики // ПСС. Т. 44. С. 342.

³⁹ Об основных частных и имущественных правах, признаваемых в РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР: Декрет ВЦИК от 22 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 423.

были изменены. Народный комиссариат юстиции подготовил проект Гражданского кодекса к осени 1922 года. Кодекс был утвержден ВЦИК 31 октября 1922 года и вступил в силу с 1 января 1923 г. Гражданский кодекс восстанавливал гражданский оборот и имущественные права. Кодекс исходил из наличия многоукладной экономики, товарно-денежных отношений, но отдавал предпочтение социалистическому укладу. ГК состоял из четырех разделов: общая часть; вещное право; обязательное право; наследственное право. ГК – один из самых больших советских кодексов не только по количеству статей (435), но и по кругу регулируемых отношений, поскольку он регулировал широкий круг личных и имущественных отношений. Каждый гражданин РСФСР и союзных республик имел право свободно передвигаться и селиться на территории РСФСР, избирать не воспрещенные законом занятия и профессии, приобретать и отчуждать имущество с ограничением, указанным в законе, совершать сделки и вступать в обязательства, организовывать промышленные и торговые предприятия с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную торговую деятельность и охранявших применение труда. Никто не мог быть лишен гражданских прав или ограничен в правах иначе как в случаях и порядке, предусмотренных законом. В целом Гражданский кодекс регламентировал значительный круг гражданско-правовых отношений, позволявших функционировать экономической системе нэпа, однако в его основе лежала идея безусловного приоритета государственного интереса над частными⁴⁰.

ГК различал собственность: государственную, кооперативную, частную. Причем земля, недра, леса, горы, железные дороги, их передвижной состав и летательные аппараты могли быть исключительно собственностью государства. С отменой частной собственности на землю деление имущества на движимое и недвижимое упразднилось. Предметом частной собственности могли быть: не муниципализированные строения, торговые предприятия, предприятия промышленные с числом рабочих не выше 20. Собственностью кооперативных организаций могли быть предприятия с неограниченным числом работающих на них, в отличие от частных предприятий. Собственнику принадлежало в пределах, установленных законом, право владения, пользования и распоряжения имуществом⁴¹. Сохранялось монопольное право государства на покупку и продажу иностранной валюты, золотой, серебряной платиновой монеты.

Гражданский кодекс 1922 г. был попыткой найти оптимальный вариант правового регулирования хозяйственной деятельности всех субъектов гражданско-правовых отношений в рамках модели жесткого «государственного капитализма». При этом разработчики кодекса попытались решить две трудно совместимые задачи: способствовать развитию товарно-денежных отношений на основе частной инициативы, предпринимательства и одновременно поставить надежные заслоны любым попыткам частного капитала выйти за рамки «государственного капитализма». Но совместить и тем более решить их в рамках чисто гражданского права оказалось невозможным. Сами разработчики признавали во многом неправомерный характер Гражданского кодекса, в частности, Д. И. Курский писал, что «наше обязательное право, его основная особенность и будет состоять, по мнению Наркомюста, в том, что здесь интересы государства должны превалировать над интересами ограждения личных прав отдельных граждан»⁴². Нивелировать же негативные последствия для социализма приходилось ужесточением уголовных норм для частного капитала. «В борьбе против свободы гражданского оборота приходится уголовными нормами регулировать отношения там, где они в буржуазно-развитом праве регулируются в порядке гражданском»⁴³. Однако даже такой Гражданский кодекс расценивался как буржуазный кодекс: «от советского права в нем только классовость, плановость и

---

⁴⁰ Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. История создания. Общая характеристика. М.: Зерцало-М, 2011. С. 192.

⁴¹ Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. (ГК РСФСР 1922 г.). Ст. 52–70 // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

⁴² Курский Д.И. На путях развития советского права. М., 1927. С. 67.

⁴³ Там же. С. 70.

т. д.⁴⁴. В таком виде он был несовместим со стратегической задачей построения коммунистического общества.

Кодификация материального законодательства требовала принятия соответствующих процессуальных кодексов, призванных регламентировать, прежде всего, деятельность судов. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР вступил в действие с 1 июля 1922 г. Правда, действовал он менее одного года и был заменен в феврале 1923 года новым, который фактически стал новой редакцией УПК 1922 г. Новая редакция была вызвана к жизни изменениями, которые произошли в судебной системе, проведенными в соответствии с положением о судостроительстве РСФСР от 11 ноября 1922 года⁴⁵. В основу УПК 1923 г. были положены принципы гласности, коллегиального и единоличного рассмотрения дел, состязательности судебного процесса, равноправия сторон, права обвиняемого на защиту и другие прогрессивные юридические принципы. Кодекс установил единую систему органов дознания, включив в их систему ОГПУ, милицию, уголовный розыск и органы административного надзора. УПК 1923 г. закреплял процессуальные гарантии неприкосновенности личности. В частности, никто не мог быть лишен свободы и заключен под стражу иначе, как в случаях и в порядке, определенном в законе. В течение 48 часов народный следователь или судья должны были принять постановление о заключении подозреваемого под стражу. Статья 5 УПК обязывала судью и прокурора освобождать из-под стражи всех неправомерно лишенных свободы в случаях содержания кого-либо под стражей без законного постановления уполномоченных на то органов или свыше срока, установленного законом или приговором⁴⁶. УПК 1923 г. не был лишен и политической составляющей. Кодекс не в полной мере распространял гарантии неприкосновенности личности по политическим делам. Он предусматривал особенности расследования дел о террористических организациях и террористических актах против советских работников, о контрреволюционном вредительстве и диверсиях. При этом дела по политическим статьям слушались без участия сторон, не допускалось кассационное обжалование приговоров и подача ходатайств о помиловании. Именно с использованием данного неправомерного механизма осуществлялись впоследствии массовые репрессии⁴⁷. В целом демократические нормы и институты УПК создавали определенную правовую основу законности в сфере правосудия и борьбы с преступлениями. Он оказался долгожителем – действовал до 1960 года.

Новые экономические условия потребовали усиления судебной защиты и гражданских прав. В связи с этим в январе 1923 г. НКЮ издает временную инструкцию «Об основных нормах гражданского процесса». 10 июля 1923 г. ВЦИК принимает Гражданский процессуальный кодекс, вводимый в действие с 1 сентября 1923 г. ГПК состоял из 5 частей, 36 глав и 316 статей. Первая часть содержала основные положения по вопросам представительства в суде, подсудности, судебных расходов, процессуальных сроков и др. Вторая часть закрепляла порядок предъявления иска, разбирательства дела судом, обеспечения доказательств, участия в процессе нескольких истцов и т. д. Третья часть регулировала особое производство, четвертая – порядок и пересмотр решений по гражданским делам, пятая – исполнение судебных решений и определений. В целом ГПК последовательно регламентировал все стадии гражданского процесса: от возбуждения дела до исполнения решения, определял права и обязанности всех лиц, участвующих в этом процессе, применительно к каждой стадии движения дел в суде и особенностям судопроизводства по отдельным категориям дел, определил конкретный круг источников, на основании которых суд мог выносить свои решения: действующие узаконения и распоряжения высших органов государственной власти и управления СССР и РСФСР, постановления

---

⁴⁴ Стучка П. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига. 1964. С. 593.

⁴⁵ Положение о судостроительстве РСФСР: Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

⁴⁶ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

⁴⁷ Крашенинников П. Указ. соч. С. 86.

местных органов власти в пределах их компетенции. При отсутствии же необходимых правовых норм суд должен был руководствоваться общими началами советского законодательства, а также общей политикой правительства. Таким образом, Гражданский процессуальный кодекс РСФСР устанавливал исчерпывающий круг источников гражданского процесса, на основании которых суд принимает решения по делу: общие начала советского законодательства; политика официального правительства. Важным было также и то, что из числа источников исключалось революционное правосознание, что способствовало усилению законности при принятии гражданско-правовых решений и упрочению принципов правосудия⁴⁸.

Проведенная в 1922–1923 гг. кодификация основных отраслей законодательства, несомненно, имела определенный правовой эффект. Главным ее положительным итогом было формирование единого правового поля страны. Признавалось недопустимым правотворчество на местах, нормативно-правовым актам центральной власти придавался общеобязательный характер, за их нарушение предусматривались оправленные юридические санкции. Это, в свою очередь, позволяло создать и единую законодательную основу для деятельности судов. В совокупности с реформированием судебной системы кодификационное законодательство послужило основой для реализации официальной правовой доктрины – «революционной законности» и важным этапом в конструировании и формировании правовой системы советского государства.

Несомненно и другое: принятые кодексы были основаны на классовом принципе. Создание законов, имевших «склонность» к широкому толкованию, позволяла суду, как «орудию охраны интересов господствующего класса», успешно решать задачу обеспечения идеологических и практических интересов власти. Продолжительность рыночных новаций, заложенных в Гражданском кодексе, определялась политическими задачами текущего момента. Рано или поздно противоречие, существовавшее между нэпом и мировоззренческой основой советского государства, должно было быть ликвидировано. Первое противоречие – возрождение слоя буржуазии. Конституция РСФСР 1925 г. гарантировала подавление буржуазии посредством установления диктатуры пролетариата⁴⁹

---

⁴⁸ Романенкова Е.Н. История отечественного государства и права. М.: Литагент-Проспект, 2015. С. 231.

⁴⁹ Конституция (Основной закон) РСФСР 1925 г. Ст. 1.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.